

Предсказаніе его въ точности сбылось много лѣтъ спустя, когда Крымъ достался императрицѣ Екатериинѣ.

14 Деревня Искутъ.

Всѣмъ почти любителямъ исторіи извѣстно, что въ Тавридѣ обиталъ народъ Готскаго происхожденія, и что та полоса земли, гдѣ они поселились, называлась Готеіею. Этимъ именемъ, во времена Генуэзскаго господства въ Θεодосіи съ XIII по XVI столѣтіе обозначалось на картахъ юго-восточная приморская полоса, начиная отъ Судака до Балаклавы. Затѣмъ намъ извѣстно, что Готы изъ Крыма ежегодно являлись въ Константинополь къ греческимъ императорамъ съ подарками и исполняли передъ ними какой-то національный танецъ подъ названіемъ *готиконг*.

Изъ небольшого числа словъ, записанныхъ изъ ихъ нарѣчія и сохранныхъ исторіею, намъ всего вѣрнѣе предполагать, что подъ именемъ Готеовъ обитали здѣсь евреи, одно изъ іудейскихъ колѣнъ, удалившееся изъ Палестины послѣ присоединенія ея къ Римской имперіи. Предполагать же, что они были настоящіе Готы, отдѣлившіеся отъ общей массы войскъ Θεодорика, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ въ такое время, когда все рушилось передъ ихъ появленіемъ, и что они могли остаться на жительство въ странахъ незавоеванныхъ, — можетъ показаться крайне невѣроятнымъ. Такъ или иначе, но вопросъ кого слѣдуетъ признавать за Готеовъ Тавриды, до настоящаго времени не рѣшенъ. Извѣстно только, что въ Крыму, кое-гдѣ сохранились памятники о пребываніи Іудеевъ до Р. Х., но не одинаго признака отъ Готеовъ.

Тщательно изслѣдуя прибрежное пространство между Судакомъ и Алуштою, я какъ-то невольнo остановилъ вниманіе мое на названіи большаго татарскаго селенія Искутъ. Названіе это ни въ какомъ случаѣ не могло быть придумано ни генуэзцами, ни греками и ни татарами, такъ какъ оно имѣетъ смыслъ и значеніе въ отношеніи къ мѣстности: *ist gut* или *истъ-кутъ* въ переводѣ съ нѣмецко-еврейскаго означаетъ *хорошее, удобное*. Не ясно-ли, что оно присвоено этой мѣстности народомъ, нашедшимъ его удобнымъ для мѣстожителства и говорящимъ этимъ языкомъ. Но былъ-ли онъ Іудейскаго или Готскаго происхожденія довольно трудно опредѣлить.

Изъ письменныхъ документовъ по этому поводу сохранилась нижеслѣдующая записъ Прокосія, бывшаго въ 562 г. при императорѣ Юстиніанѣ, константинопольскимъ префектомъ: „...императоръ оградилъ обитаемую Готеами приморскую страну Дори, которая находилась тамъ же гдѣ Воспоръ, Херсонесъ, Алустонъ и Гурзовито и гдѣ искони обитаютъ Готы, не пожелавшіе слѣдовать за Θεодорикомъ въ Италію. Они остались тамъ добровольно и нынѣ союзники римлянъ и содѣйствуютъ имъ въ военныхъ дѣлахъ по требованію императоровъ. Числомъ они доходятъ до трехъ тысячъ и всѣ превосходные воины и земледѣльцы.

Страна, въ которой они проживаютъ, не слишкомъ дика и сурова, но пріятна и приноситъ отличные плоды. Тамъ-же, гдѣ безъ труда можно было къ нимъ подойти, императоръ большими стѣнами преградилъ къ нимъ входъ...“

Если буквально вѣрить въ эту записъ, то Готы обитали въ Крыму въ той мѣстности, гдѣ расположено теперь татарское селеніе Искутъ, за которымъ дѣйствительно существуютъ признаки громадной стѣны.

Интересуясь всѣмъ этимъ, я, при всякомъ посѣщеніи Искута, употреблялъ всѣ усилія открыть въ преданіяхъ туземцевъ что-нибудь, могущее пролить свѣтъ на эту мрачную страницу этнографіи Тавриды. Но татаръ не легко вызвать на подобнаго рода разговоры, такъ какъ это не интересуетъ ихъ и считается неприличнымъ въ религіозномъ отношеніи. Приходилось выжидать счастливой случайности.

Однажды я намекнулъ хозяину дома, въ которомъ я остановился на ночлегъ, что искутскіе татары — прямые потомки древнихъ грековъ. Предположеніе мое я основывалъ на запискахъ дѣда моего, свидѣтельствовавшего, что вскорѣ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, онъ нашелъ въ селеніи этомъ мусульманъ, не только говорящихъ на греческомъ языкѣ, но и соблюдавшихъ многія христіанскія требы и праздничныя постановленія. Замѣчаніе мое, повидимому, непріятно подѣйствовало на почтеннаго старика.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — вашъ дѣдъ и вы очень ошибаетесь въ томъ, что мы происходимъ отъ грековъ. Такихъ преданій у насъ не существуетъ. Намъ извѣстно только, что прародители наши поселились на этой мѣстности и оградилъ себя стѣнами и башнями отъ всѣхъ остальныхъ обитателей Крыма только для того, чтобы не имѣть съ ними никакого сношенія. Этому послѣдовали и мы въ виду того, что до настоящаго времени не имѣемъ ничего общаго даже съ ближайшими сосѣдями нашими, такими-же мусульманами. Если-же наши отцы говорили по-гречески, то это, вѣроятно, необходимо было для нихъ въ такой-же степени, какъ теперь русскій языкъ.

— Такъ, по мнѣнію твоему, въ Искутъ искони обитали татары?

— Я этому не могу вполне вѣрить, потому что, еслибъ мы отдѣлились отъ татаръ, между нами существовали бы имена, свойственныя мусульманамъ, издавна исповѣдывающимъ исламъ. У насъ же, какъ, быть можетъ, замѣтили и вы, нѣтъ ни Сеитовъ, ни Эмировъ, ведущихъ родъ свой отъ первыхъ калифовъ.

— Къ какому же народу вы относите себя?

— Этого я не знаю. Между нашими стариками сохранилось только сказочное преданіе, вѣроятно, много разъ переиначенное, что первые поселенцы Искута прибыли изъ Константинополя и не иначе, какъ по содѣйствію какого-то могущественнаго христіанскаго падишаха.

— Интересно было-бы знать, какимъ образомъ это могло случиться?

— Одинъ изъ стамбульскихъ царей, которому принадлежалъ въ то время Крымъ, однажды прогуливаясь въ окрестностяхъ своей столицы, прилегъ и заснулъ въ апельсиновой рощѣ. Пробудившись, онъ увидѣлъ около себя молодую дѣвушку, которая держала въ рукахъ ядовитую змѣю.

— Это что значитъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Это значитъ то, что мерзкая гадина эта хотѣла пробраться въ пазуху твою, но я во время подоспѣла и теперъ наслаждаюсь не твоими, а ея страданіями.

— Такъ ты спасла мнѣ жизнь?

— Не знаю, можетъ быть,—отвѣчала дѣвица.

— А знаешь-ли ты, кто я?

— Нѣтъ, не знаю и не интересуюсь знать.

— Я царь, и поэтому хотѣлъ-бы вознаградить тебя.

— Награды твоей мнѣ не надобно. Я больше всего люблю апельсины, которые растутъ здѣсь въ изобиліи.

— Но, можетъ быть, я могу оказать какую-либо услугу твоимъ родителямъ?

— Объ этомъ надобно спросить у нихъ.

Сказавъ это, дѣвушка приложила голову змѣи къ землѣ и раздробила ее камнемъ.

— Я былъ-бы очень радъ,—сказалъ царь:—если-бы ты узнала, въ чемъ нуждается твой отецъ?

— Пожалуй, я спрошу и передамъ тебѣ, если ты завтра придешь сюда.

На слѣдующій день, въ условленное время, падишахъ явился въ апельсиновую рощу и съ улыбкою подошелъ къ знакомой дѣвушкѣ.

— Ну, что тебѣ сказали родители? Могу-ли я быть имъ полезенъ?

— Да, можешь, но это не дешево тебѣ обойдется.

— Навѣрно дешевле, чѣмъ жизнь моя для меня стоитъ,—отвѣчала падишахъ.

— Мой отецъ проситъ тебя, чтобы ты переселилъ его съ единоплеменниками своими въ ту страну, которую онъ однажды видѣлъ и которая понравилась ему; но я не смѣю назвать тебѣ этой земли. Мнѣ говорилъ только отецъ, что она принадлежитъ тебѣ.

— Въ такомъ случаѣ передай ему, чтобы онъ завтра пришелъ ко мнѣ. Желаніе его я исполню безотлагательно. Но чтобы онъ могъ безъ затрудненія достигнуть до меня, вручи ему этотъ перстень, который онъ долженъ показать моимъ служителямъ.

На слѣдующій день къ султану былъ допущенъ старикъ неизвестнаго происхожденія. Царь обнялъ его, какъ друга и, выслушавъ его просьбу, изъявилъ согласіе переселить его съ единосверцами въ Крымъ на собственный счетъ.

Недѣлю спустя множество судовъ были приготовлены для переселенія неизвестныхъ странниковъ съ ихъ семействами въ

отдаленную Тавриду. При прощаніи съ ними султанъ обѣщалъ всегда оказывать свое покровительство, но съ тѣмъ, чтобы они присылали ежегодно къ тому дню, когда онъ спасенъ былъ ихъ дѣвушкою отъ жала змѣи, нѣсколько молодыхъ людей, которые выражали-бы радость свою пляскою національнаго танца.

Такимъ образомъ наши предки очутились на берегахъ Крыма. Искутская долина до того понравилась имъ, что всѣ они единогласно закричали на своемъ языкѣ *истъ-гутъ* и поселились здѣсь. Вотъ все, что мнѣ извѣстно; но если-бы наши предки принадлежали къ греческому племени, они не имѣли-бы надобности отдѣляться отъ нихъ и жить за высокими каменными стѣнами.

15 Пчелка.

Въ низменныхъ мѣстностяхъ южнаго Крыма растетъ въ дикомъ состояніи чрезвычайно оригинальное растеніе, цвѣтущее послѣ второй половины апрѣля. Туземцы называютъ его пчелкою неслучайно, а по изумительному сходству цвѣтка съ пчелою, которая какъ будто всѣми силами впиалась въ трехлиственный блѣдно-лиловый серебристый цвѣточекъ, съ жадностію выставившій къ ней свой ротикъ. Пчела эта съ поднятыми къ верху хоботкомъ, усамы, крыльями и жаломъ, окрашена темно-кофейнымъ бархатнымъ цвѣтомъ съ насѣчками водяныхъ просвѣтовъ и представляетъ до изумленія естественное положеніе живой пчелы, впишейся въ медовую чашечку цвѣтка и навѣки слившейся съ нимъ. Такихъ цвѣтковъ на каждомъ стеблѣ бываетъ отъ 3 до 5.

Я уже говорилъ раньше, что восторженные обитатели южной Тавриды, всегда склонные къ воспроизведенію мифовъ и въ наше время, смотря на такую граціозную игру природы, не остались-бы равнодушно-молчаливыми зрителями и навѣрно придумали-бы какое нибудь чудо для разъясненія причины сверхъестественнаго явленія.

Вотъ небольшая легенда, выслушанная мною, когда я впервые остановилъ мое вниманіе на этомъ цвѣткѣ и желалъ поразить мою услужливую хозяйку изъ первобытныхъ гречанокъ Тавриды.

— Не цвѣтку этому я удивляюсь—отвѣчала она—но тому событію, которое послужило поводомъ къ сотворенію его. Покойная бабушка моя, чрезвычайно любившая передавать намъ разнаго рода преданія старины, сообщила мнѣ, что цвѣтокъ этотъ называется мелиса (пчела) и впервые выросъ надъ могилою двухъ невинныхъ существъ, любившихъ другъ друга до полнѣйшаго самопожертвованія.

—Какимъ-же это образомъ случилось?

— У какого-то могущественнаго князя нашей страны была прелестная дочь, которая засватана была съ сыномъ сосѣдняго архонта чуть-ли не со дня рожденія. Дѣвушка эта никогда не видѣла жениха своего, но очень часто слышала отъ стороннихъ